

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЕВА»

Ю. А. ЕЛИСЕЕВА

**МЕНТАЛЬНЫЙ МИР ВОЗРАСТА:
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Саранск
Типография «Красный Октябрь»
2007

УДК 130.2:159.922.6
ББК Ч 11
Е 515

Печатается по решению Научно-методического совета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

Р е ц е н з е н т ы :
кафедра психологии Мордовского государственного
педагогического института имени М. Е. Евсевьева;
доктор философских наук профессор *И. Л. Сиротина*

Н а у ч н ы й   р е д а к т о р
доктор философских наук профессор *Н. И. Воронина*

Елисеева, Ю. А.
Е 515   Ментальный мир возраста: проблемы психолого-культурологи-
ческого моделирования / Ю. А. Елисеева; науч. ред. Н. И. Воро-
нина. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2007. – 136 с.: ил.
ISBN

Монография посвящена такому слабо изученному в гуманитарном знании феномену, как представленность концепта «возраст» в сознании субъекта культуры. Автор обосновывает необходимость его психолого-культурологического исследования с опорой на метод моделирования; при этом в качестве стержневого выступает понятие «ментальный мир возраста». На базе предложенной структурной модели ментального мира возраста вычленяются базовые для универсума культуры субконцепты: возраст-граница, возраст-объем, возраст-маршрут, возраст-шкала, возраст-порядок.

Адресована культурологам и психологам, а также читателям, интересующимся возрастной проблематикой.

УДК 130.2:159.922.6
ББК Ч11

ISBN

© Ю. А. Елисеева, 2007
© Ю. А. Елисеева, 2007 (дизайн-проект)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Предпосылки психолого-культурологического исследования представлений о возрасте.....	15
Глава 2. Ментальные базисы возраста.....	41
Глава 3. Интегральное понятие «ментальный мир возраста».....	69
Глава 4. Ментальный мир возраста в универсуме культуры: проблема презентации.....	85
Глава 5. Возрастные миры как культурная ценность.....	105
Заключение	129

ВВЕДЕНИЕ

Самое важное в любом исследовании – определение отправной точки интеллектуального движения. С чего должно начинаться рождение и развитие мысли? С констатации или с вопрошания? С «фундамента» или со «строительных лесов»? В каком пространстве она будет расти? По какой траектории двигаться?

На наш взгляд, внимание к этому аспекту – не дань научной моде, не желание во что бы то ни стало вписаться в постнеклассическую парадигму и построить текст в тексте. Если «поле гуманитарности состоит из размывов и зияний, ускользающей от себя рефлексивности, распадающихся фрагментов языка и разрастающихся знаковых лакун»¹, то движение в таком поле надежнее с «нитью Ариадны» – четкой стратегией исследования интересующего объекта. Представляется, что для ее выработки с неизбежностью нужно ответить на три классических вопроса: «что?» (что именно изучается?), «как?» (как изучать избранный объект?) и «почему?» (почему объект исследования стоит изучать именно так?).

В качестве объекта исследования («что?») выберем возраст человека, точнее, не сам возраст, а систему культурно обусловленных представлений о нем. Такой ракурс объясняется желанием пройти по тем «тропинкам» «поля гуманитарности», которые по тем или иным причинам были отвергнуты другими исследователями. Так, психолог В. И. Слободчиков в содержательной работе, посвященной анализу категории возраста в психолого-педагогическом знании, определяет возраст путем отрицания: «Это не натуральный феномен, участвующий в процессе созревания чего-либо (тела, мозга и др.); именно представление о "естественности" и "природности" данного феномена порождает многочисленные антропогенетические интерпретации категории возраста. Это не некая социальная организованность, имеющая квазинатуральный характер (например, ступени обучения или обретения социальных прав – паспорт, голосование и др.); отсюда, в частности, разнообразные педагогические и политические представления о возрасте. Это не культурно-духовная ценность (как, например, в гуманистически ориентированных концепциях детства); на этом базируются многочисленные аксиологические интерпретации человеческих возрастов. Это не норма и не просто традиция, хотя все вышеперечисленные трактовки понятия "возраст" сосуществуют в наших традиционных представлениях и повседневных делах»². Соглашаясь с исследователем в том, что возраст действительно не данность, а заданность, сформулируем следующий вопрос: чем обусловлена «живучесть» перечисленных представлений о возрасте и его интерпретаций, если они не вытекают из сущности понятия

---

¹ Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 12.

² Слободчиков В. И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопр. психологии. 1991. № 2. С. 40.

(идеи) возраста? Как объяснить тот факт, что они довольно часто переносятся из области житейской психологии в научное знание, порождая сомнительные понятийно-терминологические конструкции, к примеру, «возрастное развитие»? Как осмыслить значимость представлений о возрасте в повседневной жизни человека, проинтерпретировать широкий спектр его чувств, связанных с собственным или чужим возрастом (зависть, гордость, стеснение, удивление, страх)? Следовательно, без ответа на вопрос «как?» (как сделать представления о возрасте полноценным объектом гуманитарных исследований?) мы не сможем результативно двигаться по намеченному маршруту.

Дать четкий ответ важно еще и потому, что в большинстве случаев мы будем иметь дело не с аксиомами, а с теоремами научного знания, требующими доказательств. Хотя возрастная проблематика анализируется во многих науках – генетике, физиологии, психологии (возрастной, или психологии развития, психосемантике, психологии общения), педагогике, социологии, антропологии, демографии, истории, культурологии, этнографии, лингвистике и др., далеко не все концепции будут представлять для нас интерес. Дело в том, что возраст, традиционно понимаемый как объективный признак (параметр) субъекта, результат измерения продолжительности его существования в физическом пространственно-временном континууме, можно сравнить с модульной сеткой, которая используется в процессах конструирования. Субъекта удобно отнести к определенной ячейке этой сетки или проследить его движение по ячейкам. Получается, что в данном случае мы имеем дело с исследовательской стратегией *«человек в возрасте»*, не совсем адекватной для нашего исследования.

Однако очевидно, что объективизация возрастных характеристик не исчерпывает гносеологический потенциал научного понятия «возраст». Перспективно и другое направление, цель которого – изучение возраста как субъективного феномена. Понятно, что в этом случае избирается иная стратегия, которую условно можно обозначить как *«возраст в человеке»*³. Именно ее мы и попытаемся реализовать в данном исследовании; введение же к нему представим в виде карты-плана, которая позволит расставить смысловые «маячки» в тексте работы.

В монографии предпринята попытка параллельного движения по двум исследовательским «тропинкам». *Во-первых, в качестве дисциплинарного контекста предлагается психология культуры* – перспективное направление на стыке психологии и культурологии, ставящее проблему единства человеческой психики и культуры. Вот что пишет о необходимо-

³ Сошлемся на некоторые крупные работы, в которых намечена и/или частично разработана именно вторая исследовательская стратегия: *Абрамова Г. С.* Возрастная психология. М., 2001; *Арбес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999; *Бороздина Л. В., Молчанова О. Н.* Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых. М., 2001; *Кон И. С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984; *Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 1987; *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988; *Фельдштейн Д. И.* Психология взросления. М., 1999 и др.

сти глубинной связи рассматриваемых наук культуролог Ф. Т. Михайлов: «Следует как раз выйти за пределы предмета психологии. Выйти для того, чтобы искать и найти вне его пределов настоящий исток ее метафизических (всеобщих) проблем. То есть искать и найти его там, где навечно сохраняют себя предпосылки возникновения и постоянного воспроизводства человеческой субъективности как таковой. Где психика – лишь модус той порождающей силы, которая и по сей день очеловечивает человека с начала его бытия и непрерывно. То есть в постулате фундаментальной культурологии»⁴. Таким образом, психолого-культурологическое знание позволит интегративно охватить как культурную заданность представлений о возрасте, так и их субстрат. Кроме того, можно избежать крайностей (психологизма, ментализма) при раскрытии значения представлений о возрасте для субъекта культуры.

Однако намеченный путь чреват методологическими опасностями. По верному замечанию Ю. М. Шилкова, работающего в рассматриваемой области, «утверждать, что психология культуры в качестве специализированной дисциплины уже приобрела "права гражданства" в сообществе научных знаний, было бы преждевременно»⁵. Так, современная психология культуры неомогенна, наличествует параллелизм приращения научного знания, поскольку развиваются две психологии культуры – «психологическая» и «культурологическая». Не считая сложившуюся ситуацию нормой, мы, тем не менее, вынуждены определить собственную позицию с учетом этой двойственности. На наш взгляд, современную психологию культуры логичнее считать субдисциплиной культурологии, а не психологии, по причине большей потенциальной эвристичности и широты выдвигаемых гипотез. После укрепления методологической базы психолого-культурологического знания вопрос дисциплинарной принадлежности, вероятнее всего, будет стоять не так остро, но это дело будущего. Пока же нам придется идти по выбранной дисциплинарной «тропинке» чаще всего интуитивно, ища баланс между тенденциями к психологизации и культурологизации рассматриваемой проблематики.

Во-вторых, в качестве основного метода исследования субъективного модуса возраста предлагается метод моделирования. В теории математического моделирования с дидактической целью иногда используется следующая шутка: «Наилучшей моделью кота является другой кот, а еще лучше – тот же самый кот». Так вот, в процессе «гуманитарного» моделирования «тот же самый кот» не только невозможен, но и не нужен в принципе, поскольку ценность создаваемых моделей заключается в их плюралистичности, пластичности и метафоричности. Последнее свойство подчас даже расценивается как родовое. Так, авторитетный американский

⁴ Михайлов Ф. Т. Как возможна культурология в качестве основания общего человековедения // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 58.

⁵ Шилков Ю. М. Психология культуры и историческое познание // Там же. С. 62.

психолог-когнитивист Р. Солсо определяет когнитивную модель как «метафору, основанную на наблюдениях и выводах, сделанных из этих наблюдений... Это *условное представление* того, как организованы мысленные элементы, но не буквальное их описание... Их [моделей] задача – обеспечить умопостигаемую репрезентацию характера наблюдаемого и помочь сделать предсказания при развитии гипотез»⁶. Исходя из этого, следует выбрать особый объект психолого-культурологического моделирования, инициирующий создание множества взаимосвязанных объясняющих метафор, методологически «объемный».

Выбор такого объекта, прежде всего, требует терминологического анализа. В арсенале гуманитарных наук имеются два базовых термина, поддерживающих стратегию «возраст в человеке», – «представления о возрасте» (иногда – «образы возраста» или «символы возраста») и «возрастное самосознание». Мы могли бы остановиться на одном из них, однако этот путь не очень результативен как раз с точки зрения потенциалов психолого-культурологического моделирования. Чтобы корректно определить более емкий термин, условимся рассматривать возраст как концепт культуры. Согласно глубокому определению лингвиста и культуролога Ю. С. Степанова, «*концепт культуры* понимается как явление, родственное понятию, но отличающееся от него содержанием, формой и сферой существования: *его сфера – ментальный мир* (выделено мной. – Ю. А.), не логика, а культура в любой из ее областей; его форма – не научный термин, а слово или словосочетание общего языка; его внутреннее содержание – достояние всего общества... или достояние какого-либо достаточно определенного коллектива в обществе»⁷.

Таким образом, если возраст – концепт культуры, а среда его существования – ментальный (умственный, мыслительный) мир, не логично ли поместить этот концепт – на терминологическом уровне – в «маточный раствор», в ту среду, которая его порождает и питает? Отвечая на этот вопрос положительно, мы вводим такой относительно новый термин, как **ментальный мир возраста**. В свою очередь, он порождает ряд производных терминов (ментальные монады и матрицы возраста, культуроментальные функции возраста и т. п.). Они должны актуализировать исследование ментального бытия такого важного концепта культуры, как возраст, тем более что для современной социокультурной ситуации характерно угасание некоторых его функций, в частности, нормативной.

Вместе с тем, модернизация понятийно-терминологического аппарата исследования заставляет вспомнить предостережение Э. Гуссерля, пытавшегося обосновать феноменологическую сущность психологии: «...Описание данностей наивного опыта и идущие с ним рука об руку их имманентный анализ и логическое постижение совершаются при помощи некоторого запаса понятий, научная ценность которых имеет решающее

⁶ Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 2002. С. 31, 38, 40.

⁷ Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004. С. 9.

значение для всех дальнейших методических шагов. Эти понятия, как легко показывает нам некоторое размышление, уже по самой природе экспериментальной постановки вопроса и метода остаются совершенно нетронутыми при дальнейшем движении исследования и переходят вместе с тем в конечные результаты, то есть в те научные опытные суждения, которые как раз и являлись целью исследования»⁸.

Чтобы избежать этой распространенной ошибки, отметим на нашей карте-плане серьезные когнитивные барьеры, которые необходимо преодолеть в первую очередь:

1. Несмотря на кажущуюся простоту теоретико-практического синтеза культурологических и психологических концепций и определенный задел в этой области (очевидно, самый крупный вклад внесла культурно-историческая психология, теоретический фундамент которой был заложен Л. С. Выготским), последовательная реализация метода психолого-культурологического моделирования осложнена рядом факторов. Главный из них – отсутствие критериев валидности (достоверности) полученных результатов. Одна из взаимодействующих дисциплин легко может стать «декоративной», то есть слабо воплотится в модели. По сути, речь идет о продуктивном взаимодействии двух научных языков. С позиций семиотики такое «двуязычие» – необходимое условие рождения новых смыслов. Вместе с тем, органичный «языковой» синтез наблюдается далеко не всегда. В результате синергийного действия множества факторов могут появляться психолого-культурологические «кентавры» с изначально низким эвристическим потенциалом.

2. Велика вероятность того, что модель станет преимущественно описательной, а не объяснительной (именно это очень часто происходит в русле стратегии «человек в возрасте»). По-видимому, перечень возрастных особенностей (что характеризует данный возраст?) для психологии культуры недостаточен. Тем более, создание подобного перечня не может быть целью исследования в русле избранной нами стратегии «возраст в человеке». К примеру, потребуется объяснить, как возрастные особенности прорастают ментальными образами возраста, и наоборот – как эти образы формируют нормативные модели взросления в культуре (отдельных культурах).

3. Стремление исследователя не только к описанию, но и к объяснению культуроментальных феноменов само по себе не обеспечивает валидности проведенной работы. Дело в том, что существует несколько видов объяснения. Например, в психологии Р. Брауном выделено семь основных видов: генетические, интенциональные, диспозиционные, причинные, функциональные объяснения, эмпирические обобщения, объяснения на основе теорий⁹. Их вычленение крайне условно, поскольку в исследовательской практике они тесно взаимодействуют: «смешения – "миксты" – базо-

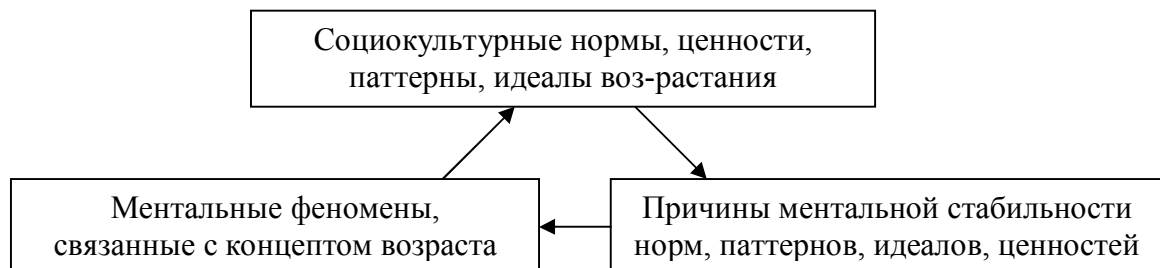
⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 204-205.

⁹ Цит. по: Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психол. журнал. 2006. № 1. С. 98-99.

вых видов объяснения могут порождать их новые разновидности, такие, например, как эволюционные объяснения»¹⁰. Вероятно, психолого-культурологические «миксты» окажутся весьма сложными по структуре.

4. Эта сложность обуславливается тем обстоятельством, что «для психолога, как и для представителей других социогуманитарных дисциплин... мотивы, планы и цели действующего субъекта, как правило, выступают не только в качестве эксплананса, объясняющего данное поведение, но и в качестве экспланандума, который сам нуждается в объяснении»¹¹. Поясним это с помощью простой схемы, привязанной к специфике данной работы:

Получился вариант кругового исследовательского движения, выражаемого схемой «психическое ↔ культурное». «Разрывать» этот круг можно в разных точках и разными способами (их выбор и есть главная интрига психолого-культурологического исследования). Чтобы дать герменевтический ключ к проблеме психолого-культурологического моделирования ментального мира возраста, следует уточнить эмпирическую базу исследования. Благодаря этой задаче на карте-плане проявляется еще одна проблемная область – эмпирическая проверка психолого-культурологических концепций. Чтобы ее осуществить, нужно решить, по меньшей мере, четырехчленное методологическое «уравнение» – найти компромисс между априорной и эмпирической психологией, а также априорной и эмпирической культурологией¹². Разумеется, они взаимодействуют многоуровнево, в частности, в историко-методологическом плане, и по ходу изложения материала нам не раз придется распутывать (а иногда – и разрубать) сложные узлы их переплетений. Здесь же подчеркнем следующее обстоятельство: в настоящее время наблюдается тенденция к «слипанию», «склеиванию» априорной и эмпирической ветвей психологии, культурологии, других гуманитарных наук соответственно с культурно-историческим

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 98.

¹² Иногда говорят о теоретической и экспериментальной психологии, теоретической и прикладной культурологии. Выбранные нами термины (по критерию большего семантического объема и точности) предложены психологом Л.Я. Дорфманом (*Дорфман Л. Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М., 2005. С. 4-5).*

и естественнонаучными подходами (парадигмами)¹³, более конкретно – с качественной и количественной методологиями. Образно говоря, получаются два «коридора», движение по которым не представляет особого труда, но переход из одного в другой осуществить довольно сложно. Так, в данной монографии одна из глав посвящена интерпретации рисуночных проб испытуемых, которые изображали «возраст вообще», идею возраста. Интуитивно ясно, что необходимо их качественное исследование. Но вправе ли мы утверждать, что концентрация на индивидуальных случаях достаточна для серьезных теоретических построений? Сможем ли мы перейти на уровень причинности? Ситуация осложняется и тем, что методологический инструментарий эмпирической (прикладной) культурологии пока тяготеет не к психологическому, а к социологическому знанию.

Значит, нужно сразу настроиться на неизбежные переключения от конкретных проблемных ситуаций в русле избранной темы к проблемам формирования методологической базы психологии культуры, современного гуманитарного знания в целом, и наоборот. Только благодаря таким переключениям в процессе психолого-культурологического моделирования можно реализовать принцип преемственности. Вместе с тем, модель в идеале не должна быть суммативной, эклектичной. Активно используя полидисциплинарный пласт уже имеющихся знаний о феномене возраста, постараемся по-новому их проинтерпретировать и ответить на третий из поставленных ранее вопросов: почему психолого-культурологическое моделирование ментального мира возраста нуждается в особом, инновационном методологическом инструментарии?

По сути, именно на этот вопрос ориентирована вся монография; здесь же следует отметить тот факт, что традиционное деление на возрастные миры (например, ментальный мир детства, ментальный мир взрослости, ментальный мир старости) в данной работе не будет использовано. Детализация указанных понятий должна проводиться на определенном теоретическом фундаменте; в противном случае получится вариант (далеко не первый и не лучший) «ментального каталога» возрастных миров. Разумеется, такой каталог тоже важен, но начинать все же нужно не с него. Сначала целесообразно создать *исходную структурно-функциональную модель ментального мира возраста* (пусть «приблизительную», эскизную), исходя, прежде всего, из идей системного (холономного) подхода¹⁴. Согласно этому подходу, ментальный мир возраста – холон в триаде «ментальный мир – ментальный мир возраста – возрастные миры», то есть он «произрастает» из ментального мира субъекта культуры и выступает как его под-

¹³ См.: Дорфман Л. Я. Психология искусства в зеркале культурно-исторического и естественнонаучного подходов // Проблемы информационной культуры. М., 1997. Вып. 4. С. 23-33.

¹⁴ См., например: Дорфман Л. Я., Дудорова Е. В. Культурный потенциал личности в зеркале системного (холономного) подхода // Системные исследования культуры. 2005. СПб., 2006. С. 47-74.